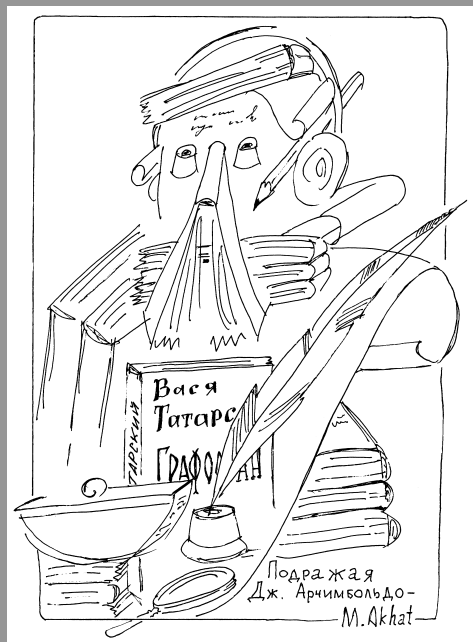

перо в бок

126

Просто вредно такое читать

Вася Татарский

Корреспондента отправили к спелеологу на интервью. «Вы, наверное, очень счастливый человек, – начал восторгаться он. – Столько необычного открывается вашему взору под землёй, куда не проникает даже луч света!» – «Фу! Что там хорошего, трупы кошек, крысы да сырость!? – возражает тот. – Зато, когда вылезешь наружу – на свежий воздух, вот это красота! Именно за это я и люблю чёртовы пещеры!»

Этот бородатый анекдот мне вспомнился, когда я обложился на лоджии книжками местных казанских авторов, и стал погружаться в них как в пещеры. Тексты – сырые, смысл – тёмный. Чем не пещеры! Зато – закроешь такую книжку, выглянешь в окошко, и жизнь по-новому увидится. Как же она прекрасна и насколько отличается от своего искажённого отражения в этих несуразных стихах и рассказах!

Помню, сколько восторгов в советские времена у начинающего автора вызывала публикация одного только стишка или рассказика, нещадно обрезанного редактором, на страницах «Комсомольца Татарии», где имелась своя литературная страничка. В киосках «Союзпечати» такой везунчик скупал все экземпляры и дарил их друзьям. Редко-редко кому из молодых удавалось попасть в коллективные сборники поэзии и прозы. Ну а на того, кто выпустил свою первую тощенькую книжку, уже смотрели как на мэтра! Он приходил на заседания литобъединения неспешной походкой и присаживался в сторонке – поближе к «старичкам», чей талант был признан безоговорочно.

Об издании за свой счёт не было и речи. Единственный монополист – Таткнигоиздат был государственным предприятием со своим планом, частных лиц не обслуживал. Ещё имелось издательство в КГУ, однако оно специализировалось исключительно на научной литературе.

Так было, так стало

Но если уж автора вносили в план издательства, то к нему прикрепляли литературного редактора, который начинал работать с текстами молодого

литератора. Как-то один такой начинающий прозаик – будущий автор вождённой книжки – показывал мне на «сковородке» возвращённую папку с рукописью, она вся была в помарках, то есть в редакторской правке, а некоторые абзацы и вовсе перечёркнуты. Он тяжело вздохнул и обречённо сказал: «Опять вернули переделывать!»

Сегодня всё по-другому. Только у ленивого нет своей книжки! Пацан или девчушка, ещё безголосые, лепечут что-то по-детски невразумительное в своей писанине, пытаются слово молвить, а слово это – хилое, корявое, но уже на мелованной бумаге печатно красуется. Фотопортреты их с обложек как бы заявляют: «Алё, классики, подвиньтесь!» А куда денешься, приходится отступить – варвары в литературу пришли!

Бумажные «дары»

С разных литературных встреч я приношу «дары» – книжки местных авторов с дарственными надписями. Человек от чистого сердца преподнёс, вот и несу в дом! Бывает, друзья-литераторы такие книжки то ли почитать дают, то ли таким образом сплавляют с глаз долой подальше. В лоджии даже пришлось отвести им полочку в бабушкином шкафу. Сначала одну, потом вторую... Это пересыльная «тюрьма», откуда время от времени я их вызываю на допрос, чтобы выяснить – заслуживает ли книга «освобождения», то есть перемещения на нижнюю полку стеллажа под классиками. Стеллаж возвышается в тепле у письменного стола. Свет, исходящий от корешков классиков, согревает моё жильё и мою жизнь. И, признаться, чрезвычайно редко кто из «ссылных» под их тепло попадает.

Чтобы быть до конца справедливым, я посвящаю один из пасмурных выходных чтению «даров». Наслаждением это не назовёшь. Это работа, напоминающая монотонные манипуляции старателя с лотком. Он знает, что золота в этих краях давно уж нет, однако упорно продолжает мыть песок – надеется на «вдруг».

«Мне просто хреново»

Видимо, таким же образом в руки мне попала брошюра одного казанского поэта, изданная за счёт автора. Как водится, тот отвёл несколько страниц под восторженные отзывы о своём сборнике поэтов с именем – попытка прикрыть свои стихи щитом. Теперь, так сказать, книжка защищена! Но прочно ли?..

Так, один местный классик пишет: «Это большая, высокая поэзия, поистине Поэзия с заглавной буквы». После таких восторгов я сразу же полез в брошюру, чтобы только узреть эту самую Поэзию с *большой* буквы! И сразу же нашёл её...

Это не ново,
Мне просто хреново,
Надо ещё потерпеть.
Выдумать слово,
То, что годится напеть.
Я не могучий
День этот сучий...

И тому подобное далее.

Какие-то нескладушки пытаются выдать за Высокую Поэзию. Чисто рекламный трюк, когда обещают одно, а всучивают другое. Такое, что даже вредно читать. Для здоровья вредно. У меня сразу на душе тяжело делается и с пищеварением что-то происходит.

Но может, я придираюсь? Просто не то стихотворение выбрал. Неудачное. Ищу удачное. Останавливаюсь на «Философии дня».

Я не хочу быть лучше, чем есть,
Желания портят нрав,
Всё, что успел между прочим прочесть,
Хуже журнальных отрав.
Сам записал много криков души,
Строку подчеркнула она,
Значит, стихи, как всегда, хороши,
Румянцем сказала струна...

И тому подобное далее.

Ну, конечно, по мнению автора, его-то стихи «как всегда, хороши». Не пойму только, как умудрилась струна (надо полагать, которая на гитаре или даже лире) сказать румянцем? Для меня это совершенно непредставимо, потому что у струны не имеется девичьих щёк или пышных боков каравая. Струны могут звенеть, раскаляться, рваться, как нервы, но чтобы вспыхнуть «румянцем», это уж – дудки!

Кстати, об этом авторе восторженно высказался мой давний любимчик – первый герой моей галереи графоманов: «Как здорово осознавать, что в одно время с тобой, рядом с тобой идёт по жизни человек, общение с которым дарит тебе радость открытия. Именно открытия новой грани в Русской поэзии, выверенной нынешним днём, надрывной, но не апоплексической, на ноте страдания, но лишённой нытья, на редкость, по нынешнему дню, гражданственной, но без пафосного взвизга...»

Дать жизнь книжке, особенно за свой счёт, без строгого издательского сита, без редакторского глаза, пусть даже с сотней хвалебных отзывов во главе – дело небезопасное. Можно со временем и самому жизни лишиться, а дитяtko твоё бумажное будет продолжать жить и вопить на всю ивановскую о всей несуразности своего папы Карло. Сегодня откроешь такую книгу и с сожалением скажешь: «Человек, может, и хороший был, а поэт вот – никакой». В литературе ведь, как в бою, – копьё взялся за перо и выпустил собственный сборник, то это всё равно, что выставить на поле брани своего рыцаря. Если латы у него худые, шелом дырявый и меч хрупкий... – значит жди, скоро вернут тебе его измочаленного на пробитом щите. И это пииты должны знать. Даже собравшись из жизни вон, книжку свою с собой не захватишь, она останется.

И никаких безосновательных придинок, предвзятости со стороны Васи здесь нет абсолютно. Что вижу, то и говорю без преувеличения. И потом... Хорошую строчку видно издадала. Она переливается гранями. Мерцает!

Открываю только что вышедший в Таткнигоиздате поэтический сборник «Птица долгой зимы» Ивана Данилова, который при жизни эту свою книгу – образец подлинной поэзии – издать не смог. Вот как он пишет про первый снег:

Скрипит неторопливая телега.
Дымы костров и запахи золы.
Леса черны. И в ожиданье снега
напряжены холодные стволы.
Все линии жестки и угловаты.
А снега нет. В молчанье погружён,
мир тих. И даже как-то виновато
он снега ждёт: «Ну что же медлит он?..»
Но вот туманно небо замутилось
над гиблой непролазностью дорог,
и вздрогнула земля, и оживилась,
как пристань, распознавшая гудок,
и повалил...

Как чисто написано, как точно! Я вспомнил первый снегопад, который начался в тот незапамятный год в октябре и застал меня на деревянной пристани «Садовая». Холодный туман напал, шурша по притихшей и потемневшей воде. Отчаянно гудели невидимые пароходы. И вдруг началось снегопредставление! Хлопьями вмиг загрузило лодки у причала по самые борта и наполнило корзинки замёрзших садовников. Было какое-то ощущение нереальности происходящего. И тут – тот самый распознанный пристанью гудок, и из снегопада медленно выплыл заснеженный омик с сахарным носом и канатами...

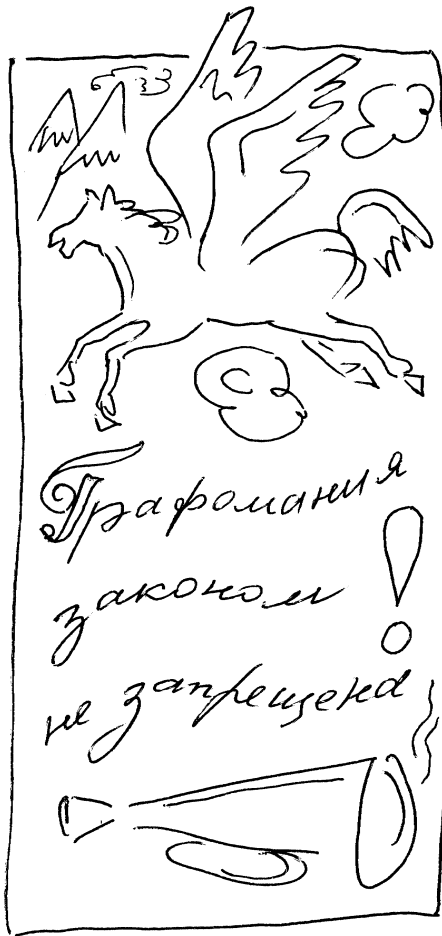
Столько впечатлений всколыхнули во мне эти даниловские строки! Даже зябко стало, и я пошёл себе заваривать кофе. А на душе посветлело. Это от снега, который выпал в стихах.

Или вот Сергей Малышев. Стихи его не находили во мне отклика. Слишком литературными казались. Хорошо, грамотно сделанными, но без «живинки». А недавно прочитал эссе Эдуарда Учарова и как-то по-новому взглянул на него и понял, что недопонимал поэта...

Ломким скрипом из-под ног
слышен каждый лист.
Одиноким, словно Бог,
бродит атеист...

Поймите, цель моя вовсе не в том, чтобы обхаять писателя. Наоборот, я

очень даже желаю разглядеть в нём живительный свет, благодаря которому его творчество проникает в сердце, пробуждает ото сна, даёт силы жить. Когда этого не нахожу, то огорчаюсь...

Убить шершня

Выхожу опять я на балкон, открываю «Тюрьму» и позволяю оттуда первую попавшуюся книжку. Сегодня повезло Натану Солодухе, который выпустил в московском издательстве «Academia» небольшой сборник прозы «Укус шершня». Издательство это специализируется на учебной литературе и справочниках – а здесь художественная проза... Впрочем, времена на дворе тяжёлые,

кризисные: издателям тоже зарабатывать надо.

Сразу скажу, что никакой предвзятости к автору у меня нет. Более того, я всегда с удовольствием предвкушаю знакомство с новым именем. Н. М. Солодухо, кстати, человек нерядовой: доктор философских наук, профессор, завкафедрой в солидном вузе, автор 250 научных и философских работ и прочая, и прочая...

Об этом можно узнать, заглянув в Википедию. Но можно и не заглядывать: все звания и регалии перечислены на обложке, чтобы читатель сразу понимал, с кем имеет дело. А если всё же засомневается, то пусть ознакомится с предисловием, написанным известным литератором и критиком.

Не вполне понятно, что двигало мэтром, когда он давал лестную характеристику откровенно графоманской прозе, однако совершенно очевидно, для чего нужен этот отзыв Натану Солодухе.

Только ведь писателю не могут помочь ни щиты, ни страховочные тросы. Лавры на научном поприще, профессиональные достижения, хвалебные рецензии – всё это выручает лишь до определённого момента: пока человек не откроет книгу и не начнёт читать. Текст – вот то единственное, что может возвеличить либо низвергнуть автора. Поэтому, чтобы не быть голословными, обратимся непосредственно к тексту и будем разбираться по порядку.

Сборник «Укус шершня» я прочёл от корки до корки, хотя это и потребовало изрядного терпения. Каждый писатель должен уметь рассказывать истории. В идеале – увлекательно, хорошим языком. Беда Н. М. Солодухо в том, что как раз этого он не умеет. Научные монографии и художественное произведение – это разные вещи, но автор разницы, похоже, не улавливает.

Любой рассказ должен иметь внятный сюжет, который легко пересказать. Сюжет «Укуса шершня» таков: семья искусствоведа приехала на дачу, девочку ужалил шершень, отец забил пару шершней тапкой. После все отправляются спать и видят сюрреалистические

сны с ожившими картинами Модильяни и Сальвадора Дали.

В рассказе «Было жарко и душно» герой идёт по улице за симпатичной девушкой и плавится от желания. Остальные описания – примерно в том же духе.

После прочтения их так и хочется сказать: ну и что?! Всё это попросту скучно. Но самое главное, ни один текст из сборника «Укус шершня» не является рассказом! С большой натяжкой эти повествовательные отрезки можно называть очерками, зарисовками... Но объективно говоря, это какие-то невнятные рассуждения о том или о сём, сочинения на тему «Как я провёл лето». Если начало, исходная часть их ещё худо-бедно просматривается, то ни кульминации, ни развязки нет и в помине. Начатое беспомощно зависает. Да и оно необходимо лишь для того, чтобы автор мог щегольнуть своими познаниями, поделиться видением мира, изложить мнение по тому или иному вопросу. На голову читателя выливается вязкая словесная масса, а само действие не развивается, стоит на месте – двигаться ему некуда.

С героями и вовсе плохо. Они не просто статичные, как это бывает, когда характер персонажа не претерпевает изменений от начала до конца повествования, – их попросту нет! Это не лица, а маски, как в античном театре. Мальчик, девочка, отец, юноша, студент, девушка... Автору абсолютно не важно, кто его персонаж, он понятия не имеет, что это за человек, как и чем он жил раньше, что его интересует, что тревожит, что пугает и радует. Об особенностях речи, внешности, мимики и прочих характерных чертах и чёрточках – ни слова. В результате персонажи мёртвые, картонные, а повествование безжизненное.

Всё сыро и серо. Героев нет, сюжета тоже, и говорить о творениях Натана Солодухо дальше, в сущности, бессмысленно. Однако будем предельно объективны и попробуем проанализировать, скажем так, техническую сторону, умение автора работать со словом.

Здесь чётко просматриваются три главных проблемы.

Во-первых, бросается в глаза постоянное стремление автора «олитературить» текст, сделать его ярким и образным. Желание похвальное, но вот реализация никудышная. Страницы пестрят неуместными «красивостями» и откровенной нелепицей вроде «...пропуская корпус чёрного автомобиля, так же, как и я, медленно ползущего на полусогнутых», «стрелки часов отца, которые пока не собирались растекаться», «оживают мечты моего научного затворничества и елейной разумности»...

Проблема номер два, по-видимому, уходит корнями в академическое прошлое (и настоящее) автора. Он буквально «словечка в простоте не скажет», и бедному читателю постоянно приходится продирааться сквозь многоэтажные, громоздкие железобетонные конструкции, возможно, уместные в научном трактате, но безжалостно уродующие художественный текст. К тому же тут и там понатыканы канцеляризм, наукообразные слова и обороты, клише и штампы. Нужны примеры? Пожалуйста.

«Расправа над жужжащим отродьем, которую наблюдал сын на веранде, не сняла с него чувства раздражения, принесённого событием сегодняшнего вечера. Молодой человек лёг в прохладную и сырую постель и долго не мог заснуть от состояния незавершённости действий и потому неудовлетворённости настоящим моментом жизни».

«Разгорячённый отец завершал приятельскую встречу кратким экскурсом в теорию психоанализа Фрейда: последнего, как практикующего врача-психиатра увлекал разбор сновидений, в которых он находил зашифрованные в символы инстинкты человека».

«Она (кошка – *прим. ред.*) бросилась на мои ноги головой вперёд и тёрлась, тёрлась, тёрлась о грязные ботинки и пыльные края брюк, желая втереться всем своим телом в голени моих ног».

«Отец не знал, – и это прочтёт его жена в домашней энциклопедии на следующий день, когда он дозвонится до неё, – что на рану, куда вошло жало, необходимо было положить лёд для охлаждения и смачивать это место

раствором чайной соды или растёртого угля, чтобы частично нейтрализовать проникший в ранку яд насекомого».

Зачем нужна эта инструкция из энциклопедии? Трудно понять! А вот моё любимое: «Он начинает склоняться над женщиной и медленно опускается ей на ноги, чувствуя, как касается её тела, грудью и животом он ощущает её спину и две большие выпуклые половины единой нижней части тела». Боже, что это за «две большие выпуклые половины единой нижней части тела»? Неужели обычная задница?!

Преподавательский и научный опыт вообще сослужил автору плохую службу. Забывая о том, что читатель – это не студент, а рассказ – не лекция, он тут и там вставляет ненужные пояснения, разжёвывает очевидные вещи: «принёс ей «Анальгин» и чашку с водой, запить таблетку», «жена стояла под душем в ванной комнате», «держала домашнюю тапку, снятую со своей ноги». Зачем это многословие? Понятно же: вода нужна, чтобы запить таблетку, душ принимают в ванной, а не на балконе, и тапочка снимается с ноги, а не с руки или головы!

Однако продолжаем смаковать. «На лице был виден только огромный раскрытый рот, из которого, видимо, и исходил этот беззвучный крик». «Он... по мобильному аппарату набрал городской номер домашнего телефона». Козе понятно, что у домашнего телефона номер городской. Чего жевать-то?!

Всё расписано так тяжеловесно, нудно и подробно, словно это и не рассказ вовсе, а какой-то пустопорожний отчёт. Читаешь – и клюёшь носом.

И, наконец, в-третьих, текст переполнен неточностями, а порой стилистическими и даже грамматическими ошибками, которые то раздражают, то попросту смешат.

«...зверский удар зажал шершня между стеной и подошвой обуви. Приплюснутое чёрно-жёлтое тельце грузно упало на пол». Можно ли нанести «зверский» удар тапкой? И как может «тельце» (маленькое тело) упасть «грузно»?

«Водка, хранящаяся в качестве ме-

дицинского спирта» – не «в качестве» разумеется тут, а «вместо».

«Глаза закрываются на этот запах» – возможно, автор имел в виду «от этого запаха»?

«Он отошёл вдоль дорожки» – это же умудриться надо – «отойти вдоль»!

«Припухшие ноги в герметичных меховых ботинках» – могут ли ботинки быть герметичными, а ноги – припухшими? Припухшими, припухлыми бывают, как известно, губы, веки, глаза, нос... А ноги – опухшими.

«Клацанье языком» – но клацают вроде бы зубами?

«Комары садились на пальцы моих рук и впивались своими острыми хоботками, раздвигая слои мягких тканей, пытаясь дотянуться до кровеносных сосудов». Позвольте, что за «слои» такие на пальцах? Чем и как их можно раздвинуть? Да и вообще, это комары или птеродактили?

«От непроходимости плафона шершень жужжал, изгибал свой большой хвост и нащупывал выдвигающимся чёрным жалом мягкое место на поверхности стекла». Впервые слышу, чтобы у плафона была «проходимость», а у стекла – «мягкое место»!

Подобным перлам несть числа. Беда в том, что человек, называющий себя писателем, совершенно не чувствует язык, на котором говорит и пишет. Он живёт вне контекста времени и языковой среды, не ловит скрытых значений и смыслов слов. Отсюда – неточности и позорные огрехи. А ведь язык – главный писательский инструмент. Писатель должен уметь ясно и зримо передавать словами картины,

которые рождаются в его воображении. Но Натан Солодухо излагает мысли до такой степени коряво, что его творения напоминают школярский подстрочник с какого-то заморского языка.

По всей видимости, автор решил: раз уж он пишет научные труды, то уж какой-то там рассказик и подавно сумеет. Но неужели многоуважаемый профессор не понимает, что можно быть выдающимся научным деятелем и при этом бездарным писателем? что в науке можно достичь профессорских высот, а в художественном сочинительстве остаться на уровне ремесленного училища? что писательскому труду тоже необходимо учиться?

Хотя, пожалуй, следует кое-что уточнить... Чего тут лукавить?! Стараться совершенствовать перо, стремиться к литературным высотам имеет смысл только в том случае, когда у человека есть природный дар – как говорится, бог поцеловал в темечко... Не всего можно добиться пятой точкой, сидя в библиотеке или за компьютером.

Дорогие авторы, начинающие и продолжающие, изо всех сил стремящиеся попасть в писательские творческие союзы! Послушайте же Васю – Вася не соврёт! Больно смотреть на уважаемых людей, которые, забыв об истинном своём предназначении на поприще науки, медицины, педагогики, возомнив себя писателями, издают книжки и выставляются на посмешище. Конечно, графомания законом не запрещена. Но помните,.. как там у Чехова? «Бездарен не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого».

